

Власов Евгений Эдуардович

НИУ «Высшая школа экономики», Москва, Россия

Магистр истории; аспирант

ORCID: 0009-0006-7126-2237

Факультет гуманитарных наук, Школа исторических наук

«Ландшафт памяти» села Богдановка: «место памяти» о Холокосте горских евреев

Аннотация. На месте массового убийства нацистами горских евреев в селе Богдановка (Степновский муниципальный округ, Ставропольский край) кристаллизуется сразу несколько «памятей», поддерживаемых разными акторами политики памяти: о Холокосте в отношении преимущественно горских евреев, о Холокосте вообще, а также постсоветский нарратив об убийстве «мирных жителей» (то есть включающий жителей всего населенного пункта). Автор рассматривает несколько сюжетов, касающихся еврейской истории села: разные версии связанной с мемориалом памяти; функционирование мемориала в настоящее время; неудачные попытки реституции имущества еврейских семей Богдановки. Предпринятое исследование приводит к выводу о том, что мемориал в Богдановке является значимым для сравнительно небольшой группы людей. Коммеморативные практики горских евреев 9 Мая теперь являются историческим наследием этого субэтноса. Благодаря ему члены общины могут актуализировать нарратив о Холокосте в отношении именно горских евреев. При этом тема Холокоста в Богдановке почти не выделяется в отдельное историческое повествование.

Ключевые слова: политика памяти, историческая политика, Холокост, горские евреи, Богдановка.

DOI: 10.31168/2658-3364.2024.1-2.04.

Для цитирования: Власов Е. Э. «Ландшафт памяти» села Богдановка: «место памяти» о Холокосте горских евреев // Judaic-Slavic Journal. 2024. № 11–12 (2024). С. 94–107.

Статья поступила: 02.07.2024. *Принята к публикации:* 17.09.2024.

Актуальность исследования, с одной стороны, объясняется уникальностью самого «ландшафта памяти», где расположен мемориал горским

евреям – жертвам Холокоста, в отношении которого реализуются разнонаправленные коммеморативные практики. С другой стороны, это исследование призвано актуализировать в академической среде тему Холокоста в отношении горских евреев. Даже в израильских исторической политике и медиа тема Холокоста в отношении не европейских групп евреев представлена слабо [Kerem 2020, 76]. Холокост принято отождествлять с европейскими евреями, несмотря на зафиксированные массовые убийства нацистами и их пособниками, в частности, горских евреев. Целью исследования является выяснение того, как уникальный нарратив о горских евреях – жертвах Холокоста в Богдановке был перенесен в область памяти локального значения (то есть значимого лишь для небольшой группы лиц) и стал продолжением советского дискурса, в рамках которого вытеснялась память о событиях Холокоста на территории СССР.

Исследуемые мемориальные инициативы в отношении Холокоста определяются с помощью понятия «места памяти» (*lieux de mémoire*) Пьера Нора. «Местом памяти» можно назвать «всякое значимое единство материального или идеального порядка, которое воля людей или работа времени превратила в символический элемент наследия некоторой общности» [Сафронова 2019, 72]. Нора считал «местом памяти» любой символ (необязательно материальный объект), «где память кристаллизуется и находит свое убежище» [Нора 1999, 17]. Однако важно оговориться, что исследуемое «место памяти» не является каноническим для России мемориалом и отвечает потребности «кристаллизации воспоминаний» лишь для узкого круга лиц [Сафронова 2019, 71–72]. Но при этом исследуемые мемориалы (на месте массового убийства евреев в Богдановке) с разной степенью полноты служат или должны были служить цели увековечения жертв Холокоста, а акторы политики памяти пытались интегрировать тему геноцида евреев в нарратив о Великой Отечественной войне – одно из главных советских, а затем российских «мест памяти».

Частью выбранной теоретической рамки является понятие «ландшафт памяти». Согласно Руди Кошар, оно «основано на идее широко определенной физической среды, охватывающей как природные, так и созданные человеком условия», в котором присутствуют воспоминания и образы как личные, так и общедоступные, когда «большое количество людей осознают коллективный смысл определенных зданий или пространств» [Koshar 2000, 9]. Как и Кошар, меня интересуют те части ландшафта памяти, которые «символизируют историческое значение для большинства членов группы» [Koshar 2000, 9], то есть в моем случае связанные с Великой Отечественной войной и Холокостом.

Интеграция темы Холокоста в память о Великой Отечественной войне требует обращения к понятиям «политика памяти» и «историческая политика». На примере России и ряда других стран Восточной Европы эти понятия концептуализирует Алексей Миллер. Политикой памяти

называются общественные практики и нормы, фреймирующие коллективную память [Миллер 2009, 6]. Исторической же политикой является утверждение политическими силами определенной трактовки исторических событий в качестве доминирующей, осуществляемое с помощью административных и финансовых ресурсов [Миллер 2009, 10].

В 1928 г. на территории села Богдановка, располагающегося неподалеку от города Моздока, с помощью Общества землеустройства еврейских трудящихся (ОЗЕТ) была сформирована сельскохозяйственная колония «Дружба», которая в 1930 г. была преобразована в колхоз «Богдановка» с преимущественно еврейским населением [Rebrova 2020, 41; Мосолова 2009]. К 1929 г. в Богдановке было «125 семей или 682 человека» [Rebrova 2020, 41]. Почти все евреи из проживавших здесь были переселенцами из селения Джегонас, горско-еврейского поселения Верхней Кубани [Мосолова 2009]. Джегонас подвергся погромам в ходе Гражданской войны, в результате чего «оставшиеся в живых... односельчане разбрелись по Северному Кавказу» [Иногаев, 2]. Так Богдановка стала одним из мест на территории Северного Кавказа с преобладающим еврейским населением в довоенные советские годы.

В июле 1942 г. нацистские войска захватили Северный Кавказ. К сентябрю «на оккупированной территории было только два крупных еврейских поселения – еврейский колхоз в Богдановке под Моздоком и еврейский квартал в Нальчике» [Дымшиц, Бегун 1999, 89]. Не сталкиваясь с военными действиями в Первую мировую войну и почти не имея сведений об отношении нацистов к евреям, «люди понятия не имели о том, что такое оккупационная власть», в частности, немецкая [Махалова 2017, 193]. Эти обстоятельства осложняли процесс эвакуации. Ко времени оккупации Богдановки в этот населенный пункт также прибыли «горские евреи из соседних деревень, они хотели быть вместе со своими соплеменниками в тяжелые дни» [Дымшиц, Бегун 1999, 89].

Широко известно, что среди нацистов были разногласия по поводу этнического происхождения горских евреев [Мурзаханов 2017, 120–127; Дымшиц, Бегун 1999, 10–11, 88–94]. Однако «нет никаких свидетельств того, что немцы даже не думали относиться к горским евреям здесь иначе, чем к их ашкеназским единоверцам: возможно, тот факт, что они жили вместе, заставил немцев рассматривать их как единое целое» [Feferman 2007, 105]. Не последнюю роль в «окончательном решении» еврейского вопроса в Богдановке сыграли коллаборационисты. Так, «в Богдановке местная коллаборационистская полиция сообщала немцам абсолютно обо всех евреях, партизанах, коммунистах и офицерских семьях» [Brooks, Feferman 2020, 195]. Причиной содействия местного нееврейского населения нацистской администрации в отношении евреев могло стать территориальное происхождение большинства евреев Богдановки: «в Богдановке и Менжинске [Менжинском – *Е. В.*] евреи были

пришлыми, советская власть разместила их на государственных землях, и местное население, считая их чужаками, относилось к ним враждебно» [Дымшиц, Бегун 1999, 90]. Этим обстоятельством пользовалась нацистская администрация, уничтожая еврейское население почти точно по списку [Brooks, Feferman 2020, 195]. 25 сентября 1942 г. на окраине Богдановки, у колодца 85-метровой глубины в двух километрах от указанного поселения, расстрелу и другим видам убийства подверглись 472 еврея [Дымшиц, Бегун 1999, 90; Инотаев, 35]. Примечательно, что в акте ЧГК¹, согласно «заявлениям местных жителей села Богдановки, которые в период расстрела находились в Богдановке», число убитых нацистами и их пособниками евреев составляло 452 человека [ГАСК. Ф. 1308. ОП. 1. Д. 89. Л. 6об]. Рассказчики-информанты, которые были свидетелями событий, будучи подверженными аберрации памяти, могли исказить реальные факты преступлений или попросту не знать имен всех погибших. Тем не менее, на основании этих данных составлялось описание процесса убийства (обстоятельства и техническая часть уничтожения людей), записывалось количество и социальные характеристики жертв, их имена, а также имена преступников, как это и произошло в отношении Богдановки [ГАСК. Ф. 1308. ОП. 1. Д. 89. Л. 6–9об; ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 17. Д. 204. Л. 200]. Кроме этого, поиск имен жертв осложнен отсутствием точных списков прибывших евреев из других поселений в Богдановку. Так или иначе, Холокост в Богдановке (а также на территории соседнего хутора Менжинского) стал одним из двух мест, где произошли самые масштабные массовые убийства горских евреев нацистами и их пособниками (вторым был колхоз имени С. Г. Шаумяна в Крыму) [Brooks, Feferman 2020, 13].

Когда Богдановка и в целом весь Северный Кавказ были освобождены, выжившие представители горско-еврейского населения, преимущественно Нальчика стали проводить мемориативные практики на месте массового убийства жертв Холокоста, зачастую своих родственников. Как уже упоминалось ранее, Нальчик с его многочисленной еврейской общиной горских евреев (очевидно, более крупной общиной горских евреев, чем в Богдановке и в Менжинском) тоже входил в зону нацистской оккупации. Однако почти всем евреям Нальчика удалось спастись. Это спасение объясняется тем, что нацистская администрация пребывала здесь меньше по времени, чем в Богдановке [Дымшиц, Бегун 1999, 90]. Играет роль и тот факт, что в Нальчике случаев коллаборационизма местного населения против евреев почти не было [Дымшиц, Бегун 1999,

¹ Речь идет об актах Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР (ЧГК).

90]. Сохранившиеся свидетельства о жизни в Нальчике в годы нацистской оккупации показывают, что «нацисты колебались в том, как им относиться к горским евреям», а самой общине удалось доказать, что они этнически относятся к кавказским народностям [Дымшиц, Бегун 1999, 91–93; Инотаев, 41]. С окончанием войны силами горских евреев Нальчика на месте массового убийства евреев в Богдановке был возведен бетонный мемориал, символизирующий скорбящую мать. Так сложилось вернакулярное «место памяти» о Холокосте. Понятие вернакулярного «места памяти» подразумевает в данном случае стихийно сложившуюся память локального сообщества, без участия акторов исторической политики или официальных акторов политики памяти. История мемориала в Богдановке началась с низовых практик поминовения родственников, шире – представителей горских евреев. Затем коммеморация достигла такого масштаба, что удалось выстроить здесь памятник.

Согласно архивным фотографиям, представленным в свободном доступе в сети Интернет, надпись на табличке первого памятника, выстроенного общиной горских евреев, гласила: «Здесь похоронено 470 человек мирных жителей стариков женщин и детей убитых фашистскими захватчиками [Орфография сохранена – Е. В.]». Выходит, уже первый памятник жертвам Холокоста в Богдановке содержал нейтрализующий нарратив об уничтоженных здесь мирных жителях, без привязки к их национальному признаку. По-видимому, такая формулировка была выбрана для того, чтобы избежать обвинений в нарушении исторической политики СССР. Связано это было с доминирующим нарративом о советском народе, пострадавшем в годы Великой Отечественной войны, где евреи не являлись отдельной группой жертв нацистских преступлений, а геноцид в отношении евреев признавался исключительно как национальный нарратив. После войны во многих советских ведомственных документах, даже в актах ЧГК, национальность жертв нацистов и их пособников могла заменяться понятиями «советские граждане» и «мирные граждане». Примечательно, что в актах ЧГК в отношении Богдановки евреи единожды указывались в качестве основной группы жертв нацистской администрации:

«С первых же дней оккупации села Богдановки, где проживало на 90% *еврейское* [Курсив мой – Е. В.] население, немецко-фашистские захватчики начали грабить мирное население, начали забирать скот как колхоза, так и принадлежащий колхозникам, а также забирать продовольствие и домашние личные вещи» [ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 17. Д. 204. Л. 200; ГАСК. Ф. 1308. Оп. 1. Д. 89. Л. 6].

На строительстве мемориала в Богдановке горские евреи Нальчика не остановились в вопросе мемориализации Холокоста горского еврейства. Известно, что в 1960-е годы эта еврейская община «обратилась в краевой суд с просьбой

о выдаче из архивов документов, свидетельствующих о фактах геноцида над еврейским народом, для создания небольшого музея в г. Нальчике», но «Верховный суд письмом от 27 октября 1967 года отказал в создании такого музея» [Рафаилов 2004, 95].

Почти за все советское время памятник претерпевал небольшие изменения, которые не нарушали изначальный внешний облик. Но к концу 1980-х гг. потребовалась его реставрация из-за разрушающейся бетонной структуры мемориала. Вопрос о реставрации памятника поднимался еврейской общиной в письме-обращении на имя первого секретаря Ставропольского райкома КПСС Михаила Горбачева [Рафаилов 2004, 91]. Но вместо полной реставрации мемориала с помощью государственного бюджета удалось лишь покрасить деревянный забор [Рафаилов 2004, 91]. Тогда реставрацию члены еврейской общины Нальчика просили произвести «за счет оставшегося от погибших имущества: домов, приусадебных участков» [Рафаилов 2004, 91, 95–96]. Но реституцию имущества евреев Богдановки осуществить не удалось. Ответ административных органов лишь гласил, что все недвижимое имущество жертв Холокоста в Богдановке было передано в руки государства, которое не намеревалось запускать процесс возвращения жилья жертвам войны, по-видимому, из экономических соображений.

Существующий в настоящее время памятник на территории Богдановки был выстроен только к 1990 г. Новая версия памятника стала возможна благодаря средствам, которые собрали представители горско-еврейской общины Нальчика. Ключевым инициатором воплощения и изменения мемориала погибшим горским евреям в Богдановке был Семен Акимович Инотаев, уроженец Джегонаса, представитель горско-еврейской общины Нальчика и человек, потерявший близких в годы Холокоста, в частности на территории Богдановки. Он же стал председателем созданной еврейской общиной Нальчика комиссии по реставрации памятника в Богдановке [Рафаилов 2004, 91]. В очерках Семена Инотаева сообщается, что на открытии нового памятника в Богдановке присутствовала женщина (по приглашению самого Семена Акимовича), которая была спасена русской женщиной Анастасией Петровной от убийства нацистами и их пособниками в Богдановке:

«Она подошла к коменданту фашистов, еще когда собравшиеся находились около школы и попросила его освободить ее внучку по имени Алису. Этой девочке было всего 14 лет. <...> Мать и два брата Алисы остались в распоряжении коменданта и были расстреляны» [Инотаев, 35].

В 1992 г., через год после воплощения нового памятника, Семен Инотаев добился установки таблички с именами жертв массового убийства

в Богдановке, составленный в основном по данным актов ЧГК. Установка таблички с именами погибших на мемориале в Богдановке является следствием особенной постсоветской памяти о Холокосте на Северном Кавказе: «ее эволюция от единой, обезличенной памяти о героях и жертвах войны к попыткам вспомнить людей как личности и индивидуальности» [Rebrova 2020, 120].

Воплощенный в 1990-е гг. в Богдановке памятник точно посвящен гражданским жертвам войны. На переднем плане здесь оказывается семья (по внешним признакам, горских евреев) с испуганными лицами, которым не удалось спастись от нацистского режима. Пробразом мужского персонажа скульптуры стал один из родственников Семена Инотаева. Как сообщила дочь Семена Акимовича, «отец дал мастерам [по изготовлению мемориала – Е. В.] фотографию своего родного дяди, который там погиб, его жены и внука. Их обличье в этом памятнике» [Назарова 2023].

На заднем плане, огибая скульптуру, расположена бетонная стена с именами погибших здесь людей. Кроме имен жертв, присутствуют надписи, объясняющие значение мемориала:

«Здесь похоронены 472 человек стариков женщин и детей села Богдановка расстрелянных немецко-фашистскими захватчиками 25 сентября 1942 года [Орфография сохранена – Е. В.]»;

«Вечная память безвинным жертвам фашистских варваров двадцатого века» и «Памятник реконструирован в 1991 году Инотаевым С. А. за счет пожертвований родственников погибших от рук фашизма в 1942 году [Орфография сохранена – Е. В.]».

Внешний вид памятника, несмотря на визуальную контекстуализацию на жертвах среди обычных людей, является абстрактным. Нет ни одной поясняющей надписи рядом с этим мемориальным объектом о том, что это место массового убийства именно еврейского населения. Этот абстрактный памятник без контекстуализации на теме Холокоста, с одной стороны, все еще позволяет передать ужасы Холокоста, но только для тех, кто заранее ознакомился с информацией об этом «месте памяти», для кого понятие Холокоста закреплено в культурной памяти. С другой стороны, абстрактный памятник без контекстуализации лишен смысла для тех, кто не знаком с историей этого «места памяти» и Холокоста, а, значит, сам мемориал рискует быть неправильно «прочитанным».

Кроме того, на онлайн-картах платформ Google и «Яндекс» названия этого мемориала передают два разных нарратива о Холокосте. Google-карты сообщают о том, что это «памятник жертвам холокоста [Орфография

сохранена – Е. В.]». А на Яндекс-картах указано, что это «братская могила 470 мирных советских граждан, расстрелянных в 1942–1943 гг.».

Таким образом, выстроенный силами горско-еврейской общины мемориал, смысл которого состоял в увековечении жертв Холокоста, «не позволяет» говорить, что он полностью выполняет свою функцию. Текущий памятник стал продолжением советского дискурса о гражданских жертвах войны – мирных гражданах, без привязки к их этническому признаку. И, тем более, на памятнике нет контекстуализации на горских евреях, наиболее пострадавшей группе в этом месте массового убийства.

В настоящее время есть следы вмешательства во внешний облик памятника: в месте о численности уничтоженных в этом месте людей² и в тексте таблички об участниках воплощения этого мемориала. По словам главы Богдановского сельского поселения Константина Турманова, сделали это школьники³.

Кроме мемориала на месте массового уничтожения в Богдановке, горско-еврейской диаспорой в США, а именно Александром Кишиевым, было инициировано «возведение в 2010 году мемориального камня в честь 473 человек (его родственники были среди них), ставших жертвами Холокоста в Богдановке в 1942 году» [Rebrova 2020, 126]. Этот мемориальный камень находится в возведенном в 2010-х годах в нью-йоркском районе Манхэттен-Бич мемориальном комплексе, посвященном жертвам Холокоста, и имеет следующую надпись на русском (с переводом на английский) языке:

«Вечная память родным и близким, сотням жителей села Богдановка Ставропольского края, погибшим от рук немецко-фашистских оккупантов и местных палачей в сентябре 1942 года» [Rebrova 2020, 126].

Имеющие локальный характер памяти мемориалы, возводимые экспатриатами на местах нового жительства, «обращены к транснациональной аудитории, они становятся важным элементом международной памяти о Холокосте» [Rebrova 2020, 126].

Теперь я хочу показать, как отсутствие контекстуализации мемориала в Богдановке на евреях – жертвах Холокоста поддерживается в настоящее время. На территории села Богдановка есть еще один памятник. Это мемориальная стела с пятиконечной звездой в память о погибших воинах РККА в годы Второй мировой войны. Вокруг стелы организован парк Победы. В настоящее время существует попытка связать нарративы о гражданских жертвах нацистов и их пособников, уничтоженных

² По-видимому, кто-то, ссылаясь на акты ЧГК, приписал цифру «5» над цифрой «7» в месте памятника, где выгравировано число «472», чтобы изменить количество жертв нацистского режима в Богдановке на памятнике.

³ Интервью с К. Турмановым состоялось в рамках проекта Еврейского музея и Центра толерантности «Еврейские коммеморативные практики и современный культ Победы».

на территории Богдановки, и о погибших войнах РККА. Перед входом в парк Победы был установлен стенд, информация на котором гласит:

«Здесь шли ожесточенные бои. В с. Богдановка были замучены и зверски убиты 472 мирных жителя».

Так, новый стенд еще больше вытесняет память о Холокосте в Богдановке. Причем, расположение нового стенда «позволяет» говорить о конкуренции «мест памяти» на территории одного населенного пункта на уровне топографии, делая приоритетным парк Победы.

Память о Холокосте, в центре которой находятся гражданские жертвы войны, причем представители определенной этнической группы, признающиеся уникальными жертвами нацизма, выбивается из государственного нарратива о Победе. Сейчас включение в российскую политику памяти темы о массовых убийствах еврейского населения нацистами и их пособниками осложняется конфликтным вопросом о масштабе страданий каждой отдельной группы жертв войны. В частности, недавно в российской публичной сфере появился термин «геноцид советского народа», а 19 апреля проводится «День единых действий в память о геноциде советского народа нацистами и их пособниками в годы Великой Отечественной войны» по инициативе федерального проекта «Без срока давности».

Существующий памятник в Богдановке открылся 9 мая 1991 года [Рафаилов 2004, 95]. Это был сознательный шаг членов еврейской общины Нальчика: приурочить открытие мемориала к символической дате, внесенной в государственный календарь. Во многом, такая символическая связь с Днем победы (и, в некоторой степени, отсутствие прямой контекстуализации мемориала на жертвах Холокоста) обосновывается военным опытом членов комиссии (С. А. Инотаев в прошлом – ветеран войны и сотрудник госбезопасности СССР) по реставрации памятника и оказанной финансовой и административной помощью членов Совета ветеранов в городе Нальчике [Рафаилов 2004, 94]. Однако, еще в советское время членами горско-еврейской общины сформировалась особая практика поминовения погибших в годы Холокоста своих родственников. Тогда, 9 мая собиралась большая автоколонна из тех, чьи родственники погибли в годы Холокоста и отправлялась в Богдановку [Майман 2020, 165–166].

Известно, что до настоящего времени горские евреи продолжают выезды на место массового убийства евреев в Богдановке в канун 9 мая. Теперь здесь слышны слова молитвы Кадиш. Ставшая традиционной для горских евреев дата поминовения жертв Холокоста была наращена новыми символическими элементами. На территории мемориала в Богдановке в дни коммеморации ныне появились религиозные практики и израильская символика. Из-за границы приезжают (и делали это в постсоветское время, в 1990-е годы) родственники тех, кто стал жертвой

Холокоста в Богдановке: «съезжаются со всех концов мира родственники погибших, чтобы отдать дань памяти» [Рафаилов 2004, 95].

Факт ежегодного посещения мемориала в Богдановке 9 мая подтверждают и представители еврейской общины Моздока. В частности, вдова еврея Верман Л. Ю. сообщает, что 9 мая члены общины посещают мемориалы в Богдановке, в станице Курской и в селе Степном [Верман 2023]. Бакшиева С. Ю., говоря о факте посещения мемориала в Богдановке, в качестве регулярной даты поминовения указывает 9 мая [Бакшиева 2023]. Мурзаханова Л. Б. сообщает, что коммеморативные практики горских евреев в Богдановке проходят в другие дни мая, но обязательно приурочены именно к Дню Победы [Мурзаханова 2023]. Глава поселения Константин Турманов тоже называет 9 мая как ключевую дату коммеморативных практик еврейской общины на территории изучаемого мемориала.

В настоящее время среди израильских государственных праздников появился новый, инициированный горским евреем. День спасения и освобождения посвящен чествованию всех военных и гражданских лиц, способствовавших спасению евреев во времена Второй мировой войны (праведников народов мира). Инициатива по созданию Дня спасения и освобождения исходила от представителя горско-еврейской общины Германа Захарьяева. Этот праздник является аналогом отмечаемого 9 мая по солнечному календарю Дня Победы, но теперь «как религиозный праздник»: «иудеи в синагогах благодарят Всевышнего и Красную армию за спасение еврейского народа от полного уничтожения нацистами во время Второй мировой войны» [Коробов 2022].

Эта практика поминовения жертв Холокоста привела к гибридной форме, с помощью которой нарратив о Холокосте «встраивается» в героический нарратив о победе СССР в Великой Отечественной войне. Если акторами коммеморации выступают представители еврейских организаций, силами которых артикулируется память о погибших евреях, такая форма памяти не приводит к вытеснению Холокоста. С другой стороны, происходит соединение с коммеморацией Дня Победы на территории Богдановки, проводимое силами местной администрации, в том числе, на месте массового убийства евреев. Все это делает мемориал в Богдановке, с одной стороны, вписанным в нарратив о Великой Отечественной войне – «место памяти» национального значения, «миф происхождения»⁴ российской нации. С другой стороны, память о массовом убийстве евреев в Богдановке остается «местом памяти» локального значения.

⁴ Под мифом здесь надо понимать не ложь или вымысел (наиболее распространенное значение этого слова в современной российской публичной сфере), а священную историю, объясняющую происхождение народа, племени или любой другой группы. Понятие «учредительный миф» сегодня часто используется в мнемонических исследованиях.

Таким образом, советская историческая политика, которой акторы политики памяти были вынуждены следовать; неудавшаяся реституция имущества евреев села Богдановки предопределили последующее развитие мемориала. Сейчас жертвы Холокоста в Богдановке именуются нейтрализующим их этническую принадлежность понятием мирных граждан, а практики поминовения с упоминанием этнической принадлежности погибших в Богдановке на месте мемориала производятся только с помощью представителей горско-еврейской общины.

Получается, что память о Холокосте горских евреев в Богдановке имеет локальный характер. Мемориал в Богдановке является «местом памяти» не национального, а в лучшем случае локального значения, то есть пользующегося спросом у сравнительно небольшой группы людей. Коммеморативные практики горских евреев на 9 мая теперь являются историческим наследием этого субэтноса, с помощью которого члены горско-еврейской общины могут актуализировать нарратив о Холокосте в отношении именно горских евреев. Но физическая контекстуализация на евреях-жертвах Холокоста, в целом, на месте мемориала так и не была произведена. Тема Холокоста в Богдановке почти не выделяется в отдельное историческое повествование. Нарушены границы уникальности Холокоста и помещены в другую универсалистскую перспективу.

Источники

- Бакшиева 2023 – Интервью с Бакшиевой С. Ю. / записали Дымшиц В., Мороз А., Юдкина А., информант Бакшиева С. Ю. URL: <https://sfira.org/interview/view?id=856> (дата обращения: 30.09.2024). Мин. 148.
- Верман 2023 – Интервью с Верман Л. Ю. / записали Агабабян А., Падалко С., информант Верман Л. Ю. URL: <https://sfira.org/interview/view?id=860> (дата обращения: 30.09.2024). Мин. 20.
- Мурзаханова 2023 – Интервью с Мурзахановой Л. Б. / записали Мороз А., Падалко С., Чиркина Л., информант Мурзаханова Л. Б. <https://sfira.org/interview/view?id=864> (дата обращения: 30.09.2024). Мин. 10.
- Назарова 2023 – Интервью с Назаровой Т. С. / записали Агабабян А., Юдкина А., информант Назарова Т. С. <https://sfira.org/interview/view?id=907> (дата обращения: 30.09.2024). Мин. 58.
- ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-7021. Оп. 17. Д. 204. «Акты и заявления на ущерб, причиненный немецко-фашистскими захватчиками гражданам Курского р-на». Л. 200.
- ГАСК – Государственный архив Ставропольского края. Ф. 1308. Оп. 1. Д. 89. «Акты о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков в Курском районе Ставропольского края», 1943. Л. 6–9об.

Инотаев – Инотаев С. А. Трагическая история еврейских общин Северного Кавказа. Очерк // Отдел хранения Еврейского музея и Центра толерантности.

Коробов 2022 – Коробов П. Евреи отметили День Победы по иудейскому календарю // Коммерсантъ. 26.05.2022. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5369375> (дата обращения: 30.09.2024).

Литература

Дымшиц, Бегун 1999 – *Дымшиц В., Бегун И.* (ред.), 1999. Горские евреи: История, этнография, культура. М.: ДААТ/Знание. 462 с.

Майман 2020 – *Майман М.* Коллективная память о Холокосте среди горских евреев современного Израиля: Сдерот (case study) // *Judaic-Slavic Journal*. 2020. №2. С. 151–184.

Махалова 2017 – *Махалова И. А.* Особенности Холокоста в Крыму и на Северном Кавказе // *Российская история*. 2017. №5. С. 192–198.

Миллер 2009 – Миллер А. Россия: власть и история // *Pro et Contra*. 2009. Том 13, № 3–4. С. 6–23.

Мосолова 2009 – *Мосолова Е. С.* Джегонасский // *Российская еврейская энциклопедия*. 9 июля 2009. <https://rujen.ru/index.php/%D0%94%D0%96%D0%95%D0%93%D0%9E%D0%9D%D0%90%D0%A1%D0%A1%D0%9A%D0%98%D0%99> (дата обращения: 30.09.2024).

Мурзаханов 2017 – *Мурзаханов Ю. И.* Холокост и горско-еврейские общины // *Кавказология*. 2017. №3. С. 120–127.

Нора 1999 – *Нора П.* Проблематика мест памяти // *Франция-память*. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. С. 17–50.

Рафаилов 2004 – *Рафаилов А. А.* Заживо погребенные. Кисловодск: Северо-Кавказское издательство «МИЛ», 2004. 195 с.

Brooks, Feferman 2020 – *Brooks C. and Feferman K eds.*, 2020. *Beyond the Pale: The Holocaust in the North Caucasus*. Rochester: University of Rochester Press. 320 p.

Feferman 2007 – *Feferman K.* Nazi Germany and the Mountain Jews: Was There a Policy? // *Holocaust and Genocide Studies*. 2007. Vol. 21, Issue 1. P. 96–114.

Kerem 2020 – *Kerem Y.* Tangential representation of the Sephardim and Mizrahim in the Holocaust: multi-cultural diversity lost under the Ashkenazi hegemony // *Этнография*. 2020. №2. С. 66–79.

Koshar 2000 – *Koshar R.* From Monuments to Traces: Artifacts of German Memory, 1870–1990. Berkeley: University of California Press, 2000. 352 p.

Rebrova 2020 – *Rebrova I.* Re-Constructing Grassroots Holocaust Memory: The Case of the North Caucasus. Berlin; Boston: Walter de Gruyter GmbH, 2020. 369 p.

“Landscape of memory” of Bogdanovka village: the “realm of memory” of the Holocaust of Mountain Jews

Vlasov Yevgeniy Eduardovich

National Research University “Higher School of Economics”, Moscow, Russia

Master of History; postgraduate student

ORCID: 0009-0006-7126-2237

Abstract. The site of the mass murder of Mountain Jews by the Nazis in the village of Bogdanovka, Stavropol Krai, is a place where several “memories” converge, supported by different players in the field of Politics of Memory. These memories include the Holocaust, specifically the fate of Mountain Jews, as well as the Holocaust more generally, and the post-Soviet discourse about the killing of “civilians”, which includes the residents of the entire village. The author explores several aspects of the Jewish history in Bogdanovka: different interpretations of the memorial, the current state of the memorial site, and unsuccessful attempts to return the property of the Jewish families of Bogdanovka. The article concludes that the Bogdanovka memorial is relevant to a relatively small number of people... The commemoration of Mountain Jews on May 9 is now a historical tradition of this sub-ethnic group, through which members of the Mountain Jewish community can understand the Holocaust in relation to their own history. At the same time, the theme of the Holocaust is not emphasized as a separate historical event in Bogdanovka.

Keywords: politics of memory, politics of history, Holocaust, Mountain Jews, Bogdanovka.

DOI: 10.31168/2658-3364.2024.1-2.04

To cite: Vlasov, E. “Landscape of memory” of Bogdanovka village: the “realm of memory” of the Holocaust of Mountain Jews. *Judaic-Slavic Journal*. 2024. 11–12 (2024). P. 94–107.

Recieved: 02.07.2024. **Accepted:** 17.09.2024.

References

Brooks, C., Feferman. K., eds, 2020. *Beyond the Pale: The Holocaust in the North Caucasus*. Rochester: University of Rochester Press, 320.

- Dymshits, V., Begun, I., eds., 1999. *Gorskie evrei: Istoriya, etnografiya, kul'tura* [Mountain Jews: History, ethnography, culture]. Moscow: DAAT/Znanie, 462.
- Feferman, K., 2007. Nazi Germany and the Mountain Jews: Was There a Policy? *Holocaust and Genocide Studies.*, Vol. 21, Issue 1, 96–114.
- Kerem, Y., 2020, Tangential representation of the Sephardim and Mizrahim in the Holocaust: multi-cultural diversity lost under the Ashkenazi hegemony // *Etnografiya.* №2, 66–79.
- Korobov, P. Evrei otmetili Den' Pobedy po iudejskomu kalendaryu [Jews celebrated Victory Day according to the Jewish calendar]. *Kommersant.* 26 May 2022. <https://www.kommersant.ru/doc/5369375> (date of visit: 30.09.2024).
- Koshar, R., 2000, From Monuments to Traces: Artifacts of German Memory, 1870–1990. Berkeley: University of California Press, 352.
- Mahalova, I. A., 2017, Osobennosti Holokosta v Krymu i na Severnom Kavkaze [Characteristics of the Holocaust in Crimea and the North Caucasus]. *Rossijskaya istoriya,* №5, 192–198.
- Majman, M. 2020, Kollektivnaya pamyat' o Holokoste sredi gorskih evreev sovremennogo Izrailya: Sderot (case study) [The Collective Memory of the Holocaust Among Mountain Jews in Modern Israel: Sderot (case study)]. *Judaic-Slavic Journal,* №2, 151–184.
- Miller, A., 2009, Rossiya: vlast' i istoriya [Russia: power and history] . *Pro et Contra,* Vol. 13, № 3–4, 6–23.
- Mosolova, E. S. Dzhegonasskij. *Rossijskaya evrejskaya enciklopediya. 9 iyulya 2009.* <https://rujen.ru/index.php/%D0%94%D0%96%D0%95%D0%93%D0%9E%D0%9D%D0%90%D0%A1%D0%A1%D0%9A%D0%98%D0%99> (date of visit: 30.09.2024).
- Murzahanov, Yu. I., 2017, Holokost i gorsko-evrejskie obshchiny [The Holocaust and Mountain Jews community]. *Kavkazologiya,* №3, 120–127.
- Nora, P., 1999, Problematika mest pamyati [Problematics of the realms of memory]. *Franciya-pamyat* [France Memory], P. Nora, M. Ozuf, Zh. de Pyuimezh, M. Vinok eds. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo S.-Peterb. un-ta, 17–50.
- Rafailov, A. A., 2004, *Zazhivo pogrebyonnye* [The buried alive]. Kislovodsk: Severo-Kavkazskoe izdatel'stvo «MIL», 195.
- Rebrova, I., 2020, *Re-Constucting Grassroots Holocaust Memory: The Case of the North Caucasus.* Berlin; Boston: Walter de Gruyter GmbH, 2020. 369.